

На правах рукописи

Луховицкий Лев Всеволодович

ОСНОВНОЕ БОГОСЛОВСКО-ПОЛЕМИЧЕСКОЕ СОЧИНЕНИЕ
ПАТРИАРХА НИКИФОРА КОНСТАНТИНОПОЛЬСКОГО
«ΑΡΟΛΟΓΗΤΙΚΟΣ ΑΤΩΕ ΑΝΤΙΡΡΗΗΕΤΙΣΙ»: ОПЫТ КОМПЛЕКСНОГО
ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

Специальность 10.02.14 – классическая филология.

Византийская и новогреческая филология

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени

кандидата филологических наук

Москва

2010

Работа выполнена на кафедре византийской и новогреческой филологии
филологического факультета
Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова

Научный руководитель: доктор филологических наук, профессор
Афиногенов Дмитрий Евгеньевич

Официальные оппоненты: доктор исторических наук,
член-корреспондент РАН
Медведев Игорь Павлович
Санкт-Петербургский Институт Истории РАН

кандидат филологических наук
Пролыгина Ирина Викторовна
Московская медицинская академия
им. И. М. Сеченова

Ведущая организация: Православный Свято-Тихоновский
гуманитарный университет

Защита состоится «__» _____ 2010 г. в ____ часов на заседании Диссертационного
совета Д 501.001.82 при Московском государственном университете им.
М. В. Ломоносова по адресу: 119991, Москва, ГСП-1, Ленинские Горы, МГУ, 1-й учебный
корпус гуманитарных факультетов, филологический факультет.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке им. А. М. Горького
Московского государственного университета.

Автореферат разослан «__» _____ 2010 г.

Ученый секретарь диссертационного совета
кандидат филологических наук
доцент

Савельева О.М.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Исследование посвящено пространному богословско-полюемическому трактату свт. Никифора патриарха Константинопольского (806–815 гг.) «Apologeticus atque Antirrheticus», созданному в 815–820 гг. с целью опровержения иконоборческой доктрины, провозглашенной Иерийским собором (754 г.) и лично императором Константином V Исавром (741–775 гг.). Этот трактат представляет собой важнейший источник по истории иконоборческой полемики в Византии и развитию православной теории образа в VIII–IX вв. Тем не менее, сводить значение «Apologeticus atque Antirrheticus» исключительно к источниковедческой ценности было бы неверно, поскольку он представляет собой глубокое, оригинальное и многоплановое высказывание, которое должно занять принадлежащее ему по праву место в истории византийской словесности. В наиболее общем виде **цель исследования** может быть обозначена как комплексный анализ произведения, основанный, в первую очередь, на использовании филологического инструментария.

Задачи исследования можно разделить на пять групп:

1) Описать композицию трактата, обращая особое внимание на дискуссионный вопрос о единстве его четырех частей, т.н. «Большого Апологетика» и трех «Антирретиков».

2) Провести анализ трактата, с точки зрения его задач и организации как полемического произведения, описав языковые средства создания негативного образа оппонента-иконоборца и риторические приемы, использованные автором при введении в текст цитат из опровергаемого сочинения.

3) Установить, с какими целями и при помощи каких приемов Никифор инкорпировал в богословский контекст фрагменты историографического характера. Проанализировать взаимодействие жанровых традиций и рассмотреть эти фрагменты в сопоставлении с иными историографическими источниками. Рассмотреть актуально-политический уровень трактата, проанализировав образ императорской власти в целом и образы Константина V и Льва V Армянина.

4) Провести анализ фрагментов утраченных произведений Константина V, частично дошедших в составе трактата; определить их жанровую принадлежность, количество, предполагаемую аудиторию и приблизительное время создания, отдельно затронув проблему «радикального богословия»¹ Константина V.

5) Проследить судьбу трактата в последующие века, установив, кто из греческих авторов средне- и поздневизантийской эпохи, при каких обстоятельствах и с какими целями обращался к нему, а также ответить на вопрос о судьбе произведения на славянской почве.

Методология исследования. В работе использован метод комплексного историко-филологического анализа, основанный на лингвистическом, литературоведческом, риторическом и источниковедческом изучении оригинального греческого памятника в контексте новейших данных исторической науки относительно эпохи иконоборчества в Византии (726–843 гг.). Описанный метод, во-первых, учитывает специфику рассматриваемого трактата, который задумывался автором не только как отвлеченное философское рассуждение, но и как важный элемент идеологического и политического противостояния, обусловленный конкретными историческими обстоятельствами, игнорирование которых не позволило бы адекватно оценить авторский замысел. А во-вторых, позволяет оставить вне рамок исследования ряд методов анализа, таких как исследование рукописной традиции трактата и изучение его философского и богословского содержания (эти методы используются только в исключительных случаях).

Объект исследования. Объектом исследования является трактат, в научном обиходе известный как «*Apologeticus atque Antirrhetici*». Это условное название было предложено П. Александером, убедительно обосновавшим единство четырех частей трактата (т.н. «Большого Апологетика» и трех

¹ Термин введен С. Геро: *Gero S. Byzantine Iconoclasm during the Reign of Constantine V. With Particular Attention to the Oriental Sources. Louvain, 1977 (CSCO 384). P. 143–151.*

Антирретиков»), ранее считавшихся самостоятельными произведениями². Критического издания трактата не существует. Французский патролог Ансельм Бандури (1670–1743 гг.) в 1705 г. планировал издать полное собрание сочинений Никифора³, однако ученому не удалось осуществить задуманное, и трактат Никифора был опубликован только в 1849 г. кардиналом Анджело Май (1782–1854 гг.)⁴. Это издание не может быть признано удовлетворительным, поскольку, во-первых, порядок частей трактата был нарушен («Антирретики» предшествовали «Большому Апологетику»), а во-вторых, издание было основано на поздней рукописи Vat. gr. 682, в которой отсутствует прилагающийся к «Антирретикам» флорилегий. В 1852 г. кардинал Ж.-Б. Питра опубликовал недостающий флорилегий на основании рукописей Par. gr. 909–911⁵. Текст А. Май был воспроизведен с некоторыми комментариями в томе 100 «Греческой патрологии» Ж.-П. Миня⁶. На настоящий момент не существует ни одного полного перевода «*Apologeticus atque Antirrheticus*» на какой-либо европейский язык.

Источниковая база исследования. В качестве дополнительных источников в исследовании было привлечено около 50 памятников. В первую очередь, это греческие произведения, проливающие свет на события VIII–IX вв. Решение учитывать источники, повествующие не только о втором (815–843 гг.),

² Alexander P. J. The Patriarch Nicephorus of Constantinople. Ecclesiastical Policy and Image Worship in the Byzantine Empire. Oxf., 1958. P. 167–173.

³ Anselmi Banduri conspectus operum s. Nicephori... // PG 100. P. 19–28.

⁴ *Apologeticus pro sacris imaginibus* // Patrum nova bibliotheca / Ed. A. Mai. T. 5. R., 1849. P. 1–141 (особая пагинация); *Antirrheticus tres adversus Constantinum Copronymum* // Patrum nova bibliotheca / Ed. A. Mai. T. 5. R., 1849. P. 1–144 (особая пагинация).

⁵ *Nicephori Antirrhetica. Sanctorum patrum testimonia octoginta de Christi incarnatione, duplici natura ac resurrectione adversus iconomachos adducta* // *Spicilegium Solesmense complectens sanctorum patrum scriptorumque ecclesiasticorum anecdota hactenus opera...* / Cur. J. B. Pitra. T. 1. P., 1852. P. 337–370.

⁶ *Antirrheticus tres adversus Constantinum Copronymum* // PG 100. Cols. 205A–533A; *Apologeticus pro sacris imaginibus* // PG 100. Cols. 533B–832A (далее: AA).

но и о первом периоде иконоборчества (726–787 гг.) обусловлено тем, что основным объектом критики в анализируемом трактате, созданном в 815–820 гг., является ключевая фигура первого периода иконоборчества – император Константин V. Также в работе был использован ряд поздневизантийских (произведения Никифора Григоры, Филофея Коккина и др.) и славянских («Написание о правой вере», «Житие» Константина-Кирилла) сочинений. Сведения, сообщаемые этими памятниками, позволяют проследить историю бытования трактата в поздневизантийский период. Греческие источники систематизированы по жанровому принципу: 1) соборные постановления (в т.ч. реконструкции постановлений иконоборческих соборов 754 и 815 гг.); 2) агиографические источники («Жития» Стефана Нового, Никифора, Никиты Мидийского и др.); 3) исторические сочинения («Хронография» Феофана Исповедника, «Хроника» Георгия Монаха, «Scriptor Incertus» и др.); 4) богословско-полемические сочинения (антииконоборческие трактаты Иоанна Дамаскина, Феодора Студита и др.).

Степень научной разработанности темы. Трактат «*Apologeticus atque Antirrheticus*» ни разу не становился объектом монографического исследования. Тем не менее, на протяжении более чем двухвекового критического изучения наследия патриарха Никифора ученые не раз обращались к трактату как к источнику по истории иконоборческих споров и византийскому богословию. Важные текстологические наблюдения были сделаны уже в начале XVII в. А. Бандури⁷ и Ж. Буавеном (1662–1726 гг.)⁸. Сведения, собранные Бандури, были обобщены и дополнены в 1712 г. И. А. Фабрицием (1668–1736 гг.) в пятом

⁷ Anselmi Banduri conspectus operum s. Nicephori... // PG 100. P. 19–28.

⁸ Комментарии были воспроизведены в Боннском издании «Ромейской истории» Никифора Григоры: *Nicephori Gregorae Byzantina Historia / Cura L. Schopeni. Vol. I. Bonn, 1829. P. 1297–1300.*

томе «Греческой библиотеки»⁹. Эти исследования были продолжены в XIX в. кардиналом Ж.-Б. Питрой, исследовавшим важнейшие парижские рукописи Никифора¹⁰. Однако после публикации основного корпуса сочинений Никифора (в том числе «Apologeticus atque Antirrhetici») в 1849 г. и последовавшего в 1880 г. критического издания «Бревиария» и «Жития» Никифора К. де Боором¹¹ основной интерес исследователей на долгие годы сместился в сторону неизданного на тот момент «Обличения и опровержения». Первые попытки использовать «Apologeticus atque Antirrhetici» в качестве источника по истории иконоборческого конфликта и богословия иконоборцев относятся к началу XX в.¹²

Наибольший успех в деле изучения наследия Никифора в первой половине XX в. связан с именем Р. Блейка, описавшего все известные на тот день списки его сочинений и высказавшего ряд предположений относительно их взаимосвязей¹³. Его исследования были продолжены П. Александером, написавшим в 1958 г. монографию «Патриарх Никифор Константинопольский: Церковная политика и иконопочитание в Византийской империи». Эта книга остается и по сей день наиболее полным и глубоким исследованием жизни и творчества Никифора.

⁹ На сегодняшний день более доступно исправленное и дополненное издание: *Fabricius J. A. Bibliotheca graeca sive notitia scriptorum veterum graecorum... / Editio nova... curante G. Chr. Harles. Vol. 7. Hamb., 1801. P. 603–632.*

¹⁰ *Spicilegium Solesmense complectens sanctorum patrum scriptorumque ecclesiasticorum anecdota hactenus opera... / Cur. J. B. Pitra. T. 1. P., 1852. P. LXV–LXXV.*

¹¹ *Nicephori archiepiscopi Constantinopolitani opuscula historica / Ed. C. de Boor. Lpz., 1880.*

¹² *Lombard A. Constantin V, empereur des romains (740–775). P., 1902 (Bibliothèque de la Faculté des lettres de l'Université de Paris 16).*

¹³ *Blake R. Note sur l'activité littéraire de Nicephore Ier Patriarche de Constantinople // Byz 14 (1939). Fasc. 1. P. 1–15.*

Следующим шагом в изучении наследия Никифора стала работа П. О'Коннелла «Экклезиология св. Никифора I (758–828)»¹⁴, в которой трактат «*Apologeticus atque Antirrhetici*» привлекался для исследования позиции Никифора по различным экклезиологическим вопросам (юрисдикция Восточных патриархатов и Папы Римского, статус Вселенских и поместных церковных соборов и др.). В качестве источника по истории иконоборческих споров при Константине V трактат был использован в 1977 г. С. Геро¹⁵.

Из исследований 1990-х гг. следует отметить монографию Д. Е. Афиногенова, сделавшего с опорой на многочисленные источники ряд важных наблюдений относительно взаимоотношений императорской власти и Константинопольского патриархата в период патриаршества Никифора¹⁶. Философия и богословие Никифора в сопоставлении с мыслью Феодора Студита, Иоанна Дамаскина и античной философской традицией были детально проанализированы в 1996 г. К. Пэрри¹⁷.

Особого внимания заслуживает история изучения «*Apologeticus atque Antirrhetici*» как источника для реконструкции утраченных богословских сочинений Константина V. Различные реконструкции были предложены такими исследователями, как Б. М. Мелиоранский, Г. А. Острогорский, Г. Хеннепхоф, И. Рохов¹⁸; важные соображения относительно жанровой природы и датировки этих сочинений были высказаны С. Геро и П. Шпеком¹⁹.

¹⁴ *O'Connell P.* The Ecclesiology of St. Nicephorus I (758–828) Patriarch of Constantinople. Pentarchy and Primacy. R., 1972 (OCA 194).

¹⁵ *Gero S.* Byzantine Iconoclasm during the Reign of Constantine V. With Particular Attention to the Oriental Sources. Louvain, 1977 (CSCO 384).

¹⁶ *Афиногенов Д. Е.* Константинопольский патриархат и иконоборческий кризис в Византии (784–847). М., 1997.

¹⁷ *Parry K.* Depicting the Word. Byzantine Iconophile Thought in Eighth and Ninth Centuries. Leiden; N.-Y.; Köln, 1996 (The Medieval Mediterranean. Peoples, Economies, and Cultures, 400–1453. Vol. 12).

¹⁸ *Мелиоранский Б. М.* Георгий Киприянин и Иоанн Иерусалимлянин, два малоизвестных борца за православие в VIII веке. СПб., 1901 (Записки историко-филологического факультета

На сегодняшний день исследователю доступны практически все инструменты, необходимые для полноценного анализа любого произведения Никифора. После публикации «Обличения и опровержения» не осталось ни одного неизданного крупного сочинения Никифора. Биографические сведения, собранные П. Александером, были уточнены и дополнены в 1999 г.²⁰ Тем не менее, очевидно, что многие спорные моменты, касающиеся истории иконоборческого конфликта (в т. ч. важнейший вопрос о богословских взглядах Константина V), будут разрешены только после всестороннего анализа «*Apologeticus atque Antirrhetici*».

Научно-практическое значение и новизна исследования. Диссертация является первым как в отечественной, так и в зарубежной науке монографическим исследованием, посвященным трактату «*Apologeticus atque Antirrhetici*», а также одной из немногих работ по византийскому иконоборчеству, в которых используется метод комплексного историко-филологического анализа (в их числе, в первую очередь, исследования Д. Е. Афиногенова и М.-Ф. Озепи²¹). При этом впервые после открытия П. Александера (1958 г.) трактат рассматривается во всей полноте, т.е. с учетом всех четырех частей и опубликованного отдельно патристического флорилегия. В результате работы были достигнуты важные результаты, касающиеся как

Императорского Санкт-Петербургского Университета 59). С. 118–121; *Ostrogorsky G.* Studien zur Geschichte des byzantinischen Bilderstreites. Breslau, 1929. S. 8–11; *Textus byzantinos ad iconomachiam pertinentes* / Ed. H. Hennephof. Leiden, 1969 (Byzantina Neerlandica. Series A. Fasc. 1). P. 52–57; *Rochow I.* Kaiser Konstantin V. (741–775). Materialien zu seinem Leben und Nachleben. Mit einem prosopographischen Anhang von K. Ludwig, I. Rochow und R.-J. Lilie. Fr. am Mein; Berlin u. a., 1994. (BBS 1). S. 177–188.

¹⁹ *Speck P.* Artabasdos, der rechtgläubige Vorkämpfer der göttlichen Lehren. Bonn, 1981.

²⁰ *Pratsch Th.* Nikephoros I. (806–815) // Die Patriarchen der ikonoklastischen Zeit. Germanos I. – Methodios. (715–843) / Hrsg. von R.-J. Lilie. Fr. am Mein; Berlin; Bern u. a., 1999 (BBS 5). S. 109–147.

²¹ *Auzépy M.-Fr.* L'Hagiographie et l'Iconoclasme Byzantin. Le cas de la *Vie d'Étienne le Jeune*. Aldershot, 1999. (BBOM 5).

литературной природы рассматриваемого текста (композиционная организация, риторические приемы, средства формирования негативного образа противника, жанровое своеобразие и др.), так и ряда исторических и историко-философских вопросов: богословие иконоборцев первого и второго периодов, своеобразие учения Константина V, сохранение и искажение исторической памяти об иконоборчестве в поздневизантийский период. Выявленные в ходе исследования критерии, позволяющие провести границу между действительными фрагментами иконоборческого источника и их интерпретацией, в дальнейшем могут быть использованы при реконструкции иных византийских произведений, признанных еретическими и сохранившихся исключительно в составе опровержений.

Апробация. Диссертация обсуждена на заседании кафедры византийской и новогреческой филологии филологического факультета МГУ. Основные положения были представлены в виде докладов на научных конференциях: Ежегодная конференция молодых специалистов по византистике и неоэллинистике (Москва, МГУ, 2004–2009), Международная конференция «Сон и реальность» (Санкт-Петербург, СПбГУ, октябрь 2008), XVIII Всероссийская научная сессия византистов «Русь и Византия» (Москва, ИВИ РАН, октябрь 2008), XXI Чтения памяти В. Т. Пашуто (Москва, ИВИ РАН, 2009), XIII Чтения памяти И. М. Тронского (Санкт-Петербург, ИЛИ РАН, 2009), Международный конгресс медиевистов (International Medieval Congress, Leeds, Institute for Medieval Studies, 2009). Содержание диссертационной работы отражено в девяти публикациях.

Структура работы. Диссертация имеет общий объем 9 а. л. и состоит из введения, пяти глав (в соответствии с пятью группами выделенных задач), заключения, библиографического раздела и двух приложений.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** дана общая характеристика исследования, сформулированы задачи и методы работы, описан объект исследования, перечислены и

классифицированы основные и дополнительные источники, в историографическом разделе оценивается степень научной разработанности темы.

Первая глава «Никифор и его трактат: предварительные замечания» состоит из двух разделов. В **разделе 1.1.** «Биографический очерк», имеющем в основном реферативный характер, кратко изложены основные вехи жизни и творчества Никифора в историческом контексте эпохи иконоборчества: обучение светским наукам, служба в императорском секретариате, участие в Седьмом вселенском соборе 787 г., отставка 797 г. (предположительно, связанная с конфликтом императрицы Ирины и Константина VII), возвращение в Константинополь при Никифоре I, рукоположение патриархом и конфликт со «студитской партией», политические шаги при восхождении на престол Михаила I Рангаве (811 г.) и Льва V (813 г.), конфликт с Львом V после возобновления иконоборчества, низложение (весна 815 г.) и ссылка (815–828 гг.). Отдельно рассматривается вопрос о доступности для Никифора различных источников (в т.ч. иконоборческих) в период ссылки.

Раздел 1.2. ««Apologeticus atque Antirrheticus»: датировка, проблема целостности и композиция» начинается с рассмотрения свидетельств, позволяющих датировать трактат. Очевидно, что «Apologeticus atque Antirrheticus» был создан до 24 декабря 820 г., когда был убит Лев V, во-первых, поскольку в противном случае это событие, несомненно, было бы упомянуто, во-вторых, поскольку в тексте трактата содержатся пассажи, обращенные к правящему императору, которым не мог быть кто-либо иной кроме Льва V. Из некоторых ремарок Никифора известно, что «Apologeticus atque Antirrheticus» предшествовал не только «Обличению и опровержению», но и еще одному трактату Никифора «Против Евсевия и Епифанида». В то же время, некоторые фрагменты трактата однозначно отсылают к ситуации, сложившейся уже после иконоборческого собора 815 г. (глава 15 «Большого апологетика»: AA. 568D–569C). Таким образом, время создания трактата может быть определено как

815–820 гг. Вероятно, он был первым крупным богословско-полемиическим произведением Никифора.

Далее рассматриваются аргументы (как текстологического, так и литературоведческого характера) в пользу гипотезы о единстве частей трактата и высказываются предварительные соображения относительно жанрового своеобразия сочинения, которое не может рассматриваться как богословско-полемиическое произведение в чистом виде, поскольку включает элементы исторического сочинения и политического памфлета. Последнее обстоятельство объясняется тем, что Никифору было необходимо опровергать и аргументы иконоборцев начала IX в., которые апеллировали в первую очередь к внерелигиозным факторам: военным победам, долголетию и успеху Константина V.

Затем рассматривается композиция трактата, при этом особое внимание уделяется вопросу о том, какие именно аргументы иконоборцев опровергает Никифор в той или иной части. Если для «Большого Апологетика» это, в первую очередь, тезис об идолопоклонстве, сформулированный Иерийским собором 754 г., то для «Антирретиков» – христологическая дилемма и евхаристический аргумент, приписанные «Мамоне», в образе которого выведен Константин V. Подробно рассматриваются фрагменты, в которых Никифор сам рассуждает о построении трактата (гл. 10 «Большого Апологетика», гл. 1 «Первого Антирретика») и называет причины, побудившие его обратиться к опровержению доктрины первого, а не второго периода иконоборчества (AA. 537D–541C; 208C–209B). Композиционный анализ полностью подтверждает гипотезу о единстве частей «*Apologeticus atque Antirrheticus*».

Вторая глава «Полемиическая программа “*Apologeticus atque Antirrheticus*”» содержит четыре раздела. Создавая трактат, Никифор ставил перед собой две задачи: во-первых, представить своего оппонента в наименее выгодном свете, а во-вторых, так инкорпорировать в свое рассуждение цитаты противника, чтобы читатель не мог провести грань между первоначальными посылками и их логическим развитием. Следовательно, гарантировать

необходимое при реконструкции разграничение речи автора и цитируемого им источника способно исследование, в котором были бы проанализированы как лексический и стилистический аспекты трактата, так и своеобразие выстраивания аргументации.

В разделе 2.1. «Создание образа оппонента-иконоборца» прослеживается использование постоянных эпитетов, позволяющих Никифору сформировать в восприятии читателя негативный образ иконоборца. В частности анализируются такие определения, как «христианообвинители» (χριστιανοκατήγοροι), «новые иудеи» (νέοι Ἰουδαῖοι) и «имяборцы» (ὀνοματομάχοι). Рассмотрены повторяющиеся мотивы, возникающие при описании противников: мотив обобщенного злодейства, позволяющий представить иконоборческий конфликт не как внутренний, а как внешний, т.е. происходящий не между мыслящими по-разному христианами, а между христианами и нехристианами; мотив добровольной слепоты и глухоты; мотив неизбежного обличения еретиков самой истиной; мотив внутренней противоречивости иконоборческого учения.

Раздел 2.2. «Речь автора и речь оппонента: риторическое оформление перехода» посвящен методикам ввода цитат из опровергаемого иконоборческого сочинения. Анализ соответствующих фрагментов показывает, что цитата всегда сопровождается авторским комментарием, который представлен как неизбежный вывод из посылки оппонента, который сам не может совершить необходимые логические операции и осознать, к чему ведут его утверждения. Таким образом, обычная схема опровержения аргумента строится следующим образом: Никифор использует реальные фрагменты иконоборческих сочинений, не искажая их, однако помещает их в такой контекст, что читатель, во-первых, теряет всякое доверие к автору иконоборческих аргументов (за счет приписывания ложной мотивировки), а во-вторых, вынужден при анализе этих фрагментов следовать логике Никифора, стремящегося свести положения оппонента к уже опровергнутым ересям. Эта логика, в глазах читателя, благодаря использованию мотива слепоты

иконоборцев и непонимания ими собственных слов, оказывается приоритетной по сравнению с логикой, которую предлагает сам автор исходного сочинения.

В разделе 2.3. «Иные приемы опровержения» рассмотрены такие полемические приемы, как переворачивание системы координат, в которой строит свою аргументацию противник (что позволило Никифору выдвинуть обвинение в том, что, отвергая икону, иконоборцы, в действительности, отвергают ее причину и первообраз – Христа), прием *reductio ad absurdum* и др.

В разделе 2.4. «Апология “простой веры”» затронут вопрос истинного отношения Никифора к «простой вере» (ἡ πίστις ἀπλή), защите которой посвящен флорилегий «Большого Апологетика». Проведенный анализ показывает, что, несмотря на декларацию принципа, согласно которому вероучительные вопросы должны решаться исключительно на основе традиции, а не при помощи логических рассуждений, это отношение было далеко не однозначным. В качестве примера рассматриваются главы, в которых Никифор предлагает два различных варианта опровержения построений противника о «неизобразимости» (ἄγραπτος) Христа в силу «неописуемости» (ἀπερίγραπτος) одной из Его природ (традиционный богословский и оригинальный лингвистический), которые при совместном использовании ослабляют доказательную силу друг друга.

В третьей главе «История двух периодов иконоборчества и актуальная политика» предлагается опыт прочтения актуально-политического уровня трактата, обращенного к правящему императору Льву V.

Раздел 3.1. «Исторические главы» посвящен анализу историографических фрагментов трактата: глав 5–9 и 13–16 «Большого Апологетика», где описан социальный состав «иконоборческой партии» и глав 62–84 «Третьего Антирретика», в которых Никифор излагает историю иконоборчества и рассуждает о судьбе Константина V. Эти главы, посвященные опровержению «иконоборческого мифа» о внешнеполитических успехах Исаврийской династии, сыгравшего важную роль при восстановлении иконоборчества в

815 г., рассматриваются в сопоставлении с соответствующими разделами собственно исторического произведения Никифора «Бревиария», созданного в 780-е гг.

Раздел 3.2. «Константин V и Лев V» состоит из четырех параграфов. В **параграфе 3.2.1.** «Два периода иконоборчества» рассматривается вопрос о том, как в изложении Никифора соотнесены два периода иконоборчества. Анализ показывает, что, с одной стороны, современные Никифору иконоборцы выставлены в еще более неблагоприятном свете, нежели иконоборцы времен Константина V (они нарушили постановление Вселенского собора); а с другой – тон трактата по отношению ко Льву гораздо более спокоен, нежели, например, в т.н. «Малом Апологетике», который был создан в период сильнейшего обострения отношений патриарха с императором.

В **параграфе 3.2.2.** «Образ императорской власти в трактате» приводятся доказательства того, что сама по себе мирская (императорская) власть не воспринималась Никифором исключительно в негативном ключе, а претензии Никифора и к Константину (в сфере политической, а не богословской), и ко Льву заключались в том, что они оба попытались вместо своих прямых обязанностей взять на себя груз догматических решений, что является прерогативой Церкви.

В **параграфе 3.2.3.** «Ответственность за иконоборчество» рассматривается изложенная в трактате версия легенды о внешнем заимствовании иконоборчества. В изложении Никифора причиной возникновения иконоборчества был «не императорский, но иудейский замысел и коварство» (οὐ βασιλικόν, ἀλλ' Ἰουδαϊκόν τὸ φρόνημα τοῦτο καὶ κακούργημα – АА. 528В).

В **параграфе 3.2.4.** «Предостережение Льву V» анализируются средства, при помощи которых Никифор опровергает аргументацию иконоборцев второго периода, ориентировавшихся в своей риторике на политические успехи Константина V. Никифор предостерегает Льва от ошибок, совершенных его предшественниками, показывая, что обращение к тираническим методам

правления, опора на ненадежные и непостоянные армейские слои и вторжение императора в сферу деятельности Церкви ведет к политическим обострениям и в конечном итоге к мятежу и развалу страны. В то же время Никифор показывает себя человеком, для которого целостность и благополучие империи являются ценностями первостепенной важности. Он не покушается на авторитет императорской власти как института и приводит примеры православных правителей, стяжавших славу и укрепивших державу. В завершающей части трактата Никифор прямо говорит о том, что примирение со Львом возможно, если тот откажется от политики иконоборчества.

Четвертая глава «*“Apologeticus atque Antirrheticus”*» как источник для реконструкции «Вопрошаний» Константина V» содержит три раздела и посвящена анализу фрагментов утраченного иконоборческого источника трактата, приписанного Константину V.

В разделе **4.1.** «Название, жанр и датировка «Вопрошаний»» обсуждаются как способы обозначения иконоборческого источника Никифором, так и конвенционные названия, предложенные различными исследователями («Πεύσεις», «Πρόγραμμα»); в качестве условного русского обозначения предлагается вариант «Вопрошания». Сравнительный анализ трактата и иных источников (в частности, «Жития» Никиты Мидийского) позволяет разграничить различные типы сочинений, создание которых традиция приписывает Константину. Анализ фрагментов с точки зрения жанрового своеобразия показывает, что, несмотря на форму теоретического вопроса, обращенного к собранию епископов, в действительности «Вопрошания» имели и актуально-политический подтекст, не согласующийся с теорией Г. А. Острогорского и С. Геро, связывавших «Вопрошания» с подготовкой к Иерийскому собору.

В разделе **4.2** «Стиль, риторика и структура «Вопрошаний»» анализируются язык и риторическая манера автора «Вопрошаний». При этом в качестве основного источника используются филологические комментарии Никифора, который отмечает неточности в формулировках, недостаточную

выверенность терминов, чрезмерное увлечение метафорами и др. Эти ремарки позволяют судить не только о тексте источника, но и об установках самого Никифора относительно того, какие приемы возможны в богословском рассуждении. Анализ некоторых комментариев позволяет поставить вопрос о целостности текста, которым располагал Никифор. Возможно, следует предположить, что в руках Никифора был не первый список текста.

Отдельно рассматривается дискуссионный вопрос об источнике «Третьего Антирретика» (сомнения относительно возможности его реконструкции были высказаны С. Геро). В работе высказывается гипотеза, что источник «Третьего Антирретика» принадлежал перу Константина V, однако по времени создания отстоял на достаточный срок от сочинений, ставших основой для первого и второго «Антирретиков», и характеризуется более резким тоном.

В разделе 4.3. «“Вопрошания” и “радикальное богословие” Константина V» предложена попытка использования «*Apologeticus atque Antirrheticus*» при анализе учения Константина V на примере сохранившегося в историографической традиции обвинения против Константина в том, что он называл Христа «лишь человеком» ($\psi\iota\lambda\omicron\varsigma \acute{\alpha}\nu\theta\rho\omega\pi\omicron\varsigma$).

Пятая глава «Судьба “*Apologeticus atque Antirrheticus*”» содержит два раздела и посвящена вопросу о бытовании трактата на греческой и славянской почве в IX–XIV вв. В разделе 5.1. затрагиваются дискуссионный вопрос о времени неверной атрибуции трактата Феодору Начертанному, зафиксированной в ряде списков, и проблема бытования фрагментов трактата в составе сборников эксцерптов и флорилегиев. На примере анализа «Ромейской истории» и «Антирретиков» Никифора Григоры рассмотрен период исихастских споров, когда обе стороны использовали «*Apologeticus atque Antirrheticus*» с тем, чтобы обвинить противника в иконоборчестве. Особое внимание уделяется случаям, когда та или иная цитата вырывается из контекста и переинтерпретируется. Анализ показывает, что к середине XIV в. реальная история и содержание иконоборческих споров были почти забыты. Вместе с

тем, в богословской полемике обвинение в иконоборчестве звучало весьма серьезно, поскольку оно заняло особое место в списке осужденных ересей, затмив все предыдущие. Если для Никифора сочинения Евсевия Кесарийского были еретическими, поскольку на Седьмом вселенском соборе они были осуждены как арианские, то для Григоры Евсевий, воспринятый через трактат Никифора, был уже не арианином, но исключительно иконоборцем. Кроме того, разработанные апологетами иконопочитания (в т. ч. Никифором) полемические приемы, опирающиеся на методы логического доказательства, могли быть использованы при опровержении практически любой новой ереси, которая в таком случае автоматически приравнивалась к иконоборчеству.

В разделе 5.2. анализируется славянское «Написание о правой вере», в рукописях атрибутируемое Константину Философу, которое в действительности является переводом с греческого и восходит к фрагменту вероисповедального характера из «*Apologeticus atque Antirrheticus*» (AA. 581C–589D)²². Текстологический анализ славянского перевода, опубликованной версии трактата и соответствующего фрагмента «Жития» Иоанникия Великого (BHG 936), где также встречается исповедание веры, показывает, что автор «Жития» и автор славянского перевода заимствовали текст Никифора независимо друг от друга, что делает весьма вероятной гипотезу о самостоятельном бытовании рассматриваемого фрагмента вне «*Apologeticus atque Antirrheticus*». Анализ обстоятельств жизни Никифора делает весьма вероятным предположение о том, что фрагмент получил самостоятельное хождение уже в начале 820-х гг.

В **Заключении** подведены итоги диссертационной работы, обобщены и суммированы выводы и результаты проведенного анализа.

²² Открытие А.И. Юрченко: *Юрченко А. И.* К проблеме идентификации «Написания о правой вере»: Доклад на Первой Международной научной церковно-исторической конференции, посвященной Тысячелетию Крещения Руси (Киев, 21–28 июля 1986 года) // Балто-славянские исследования: 1985. М., 1987. С. 221–232.

1) Композиционный анализ подтвердил гипотезу о единстве частей, входящих в «*Apologeticus atque Antirrheticus*»: т.н. «Большого Апологетика», посвященного опровержению иконоборческой аргументации Иерийского собора 754 г., и «Трех Антирретиков», в которых рассматриваются богословские произведения Константина V. Поскольку эти части неразрывно связаны друг с другом и пронизаны перекрестными ссылками, адекватное понимание логики рассуждения Никифора возможно только при условии их прочтения как цельного произведения.

2) Анализ риторической организации трактата продемонстрировал, что в нем прослеживается реализация определенной полемической программы, которая предполагает использование различных методов манипуляции читательским мнением. Тем не менее, в задачи Никифора не входит какое-либо искажение цитируемого источника. Такое же отношение к фактам прослеживается и в «исторических главах»: манипуляция ими сводится к комментированию и помещению в нужный контекст. Все это ведет к тому, что в «*Apologeticus atque Antirrheticus*» возникает сложное соотношение цитат и комментариев к ним. Никифор, тщательно оформляя переход от одного к другому, в развитии посылок оппонента стремится продемонстрировать как их внутреннюю противоречивость, так и еретические взгляды противника.

3) Помимо заявленных автором богословских задач трактат имел и актуальные политические цели. Благодаря этому некоторые части текста можно трактовать минимум на двух уровнях. На протяжении всего произведения могут быть выделены эпизоды, в которых автор обращается напрямую к правящему императору Льву V. Подобное соотнесение временных пластов помогает Никифору включить в произведение собственные взгляды на природу императорской власти, соотношение светской и церковной власти и происхождение иконоборчества. Это, в свою очередь, позволяет ему вести тонкую политическую игру, выставляя социальную базу иконоборчества в глазах императора ненадежной и слабой. Картина привнесения иконоборческого учения в Византию, рисуемая Никифором, должна

предостеречь Льва V от дальнейших шагов в сторону ужесточения иконоборческой политики, которая, в изложении Никифора, оказывается губительной для государства и ведет к его распаду. Таким образом, обвинения против иконоборцев второго периода строятся по большей части в политической плоскости.

4) Анализ трактата подтверждает гипотетическую возможность реконструкции утраченного иконоборческого источника, приписываемого Константину V. В то же время, реконструируемый текст, получивший условное название «Вопрошания», не может считаться единственным произведением Константина V: его необходимо отличать от произведений, сведения о которых содержатся в других источниках. Это произведение характеризуется достаточно слабой богословской аргументацией и не выверенным с точки зрения философской терминологии языком в сочетании с желанием автора следовать образцам риторического стиля и писать афористично. «Вопрошания», изначально задумывавшиеся как произведение из двух глав и ставшие источником двух первых «Антирретиков», имели и актуальную полемическую задачу: они были созданы с целью опровержения слухов, распространяемых политическими противниками императора. Источник «Третьего Антирретика» Никифора также принадлежит Константину, он характеризуется более резким тоном, рыхлостью структуры и еще меньшей аргументированностью. Возможно, он был составлен в ответ на возражения епископов, последовавшие за публикацией первых «Вопрошаний».

Вопрос о радикальном богословии Константина V нуждается в дальнейшем изучении с привлечением «*Apologeticus atque Antirrhethici*» в качестве основного источника, однако уже сейчас могут быть сделаны определенные предварительные заключения: богословие Константина V не выходило за рамки христологии Вселенских соборов, однако неточность формулировок и недостаток богословской выучки автора позволили политическим противникам Константина уже на ранних этапах противостояния заметить ошибки в аргументации «Вопрошаний» и распустить слухи о

радикальных воззрениях Константина. Никифор, зная об этих слухах и в то же время имея перед глазами исходный текст Константина, попытался интерпретировать приведенные цитаты так, чтобы они воспринимались читателем именно в контексте этих слухов.

5) С середины IX по середину XIV в. трактат практически не был известен в Византии в полном виде, однако цитаты из него были включены в ряд важнейших флорилегиев («Паноплия» Евфимия Зигабена, «Алфавитная синтагма» Матфея Властаря и др.). Только в период исихастских споров в связи с возросшим интересом к истории и содержанию иконоборческой полемики как паламиты (Филофей Коккин), так и их противники (Никифор Григора) обратились к нему в поисках аргументов, которые позволили бы им возвести взгляды оппонентов к иконоборческому учению, признававшемуся ересью обеими сторонами. Однако анализ богословско-полемических сочинений Никифора Григоря продемонстрировал, что историческая память о ходе и содержании иконоборческих споров в этот период была существенно искажена. Анализ славянской традиции, в свою очередь, показал, что трактат не был известен в славянском мире, а в основе восходящего к нему «Написания о правой вере Константина Философа» лежал фрагмент, получивший самостоятельное хождение, предположительно, еще при жизни Никифора.

В **Приложении 1** «Композиция “Apologeticus atque Antirrhetici”» в схематическом виде представлена структура четырех частей трактата и двух флорилегиев с пагинацией по изданию Ж.-П. Миня.

В **Приложении 2** «Основные реконструкции сочинений Константина V (сравнительная таблица)» представлен состав четырех основополагающих реконструкций «Вопрошаний» Константина V (Б. М. Мелиоранского, Г. А. Острогорского, Г. Хеннепхофа и И. Рохов).

По теме диссертации были опубликованы следующие работы:

1. Греческий оригинал “Написания о правой вере” Константина Философа: структурная организация и полемические задачи // Славяноведение. 2007. № 5. С. 65–73.

2. Риторические приемы в антииконоборческом трактате патриарха Никифора Константинопольского “*Apologeticus atque Antirrhetici*” // Вопросы филологии. 2007. № 3 (27). С. 85–93.
3. Полемическая программа исторических глав “*Apologeticus atque Antirrhetici*” и “*Refutatio et Eversio*” Никифора Константинопольского // Материалы XV Международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов». Секция «Филология». М., 2008. С. 286–288.
4. Славянское «Написание о правой вере» в контексте изучения наследия патриарха Никифора I // Русь и Византия. Место стран византийского круга во взаимоотношениях Востока и Запада. Тезисы докладов XVIII Всероссийской научной сессии византинистов. Москва, 20–21 октября 2008 г. М., 2008. С. 92–97.
5. Антииконоборческая полемика: искажение или интерпретация (на материале “*Apologeticus atque Antirrhetici*” патриарха Никифора I // Восточная Европа в древности и средневековье. Автор и его источник: восприятие, отношение, интерпретация (XXI Чтения памяти В. Т. Пашуто). М., 2009. С. 187–191.
6. Иерийский собор // Православная энциклопедия. Т. 21. М., 2009. С. 301–304.
7. История первого периода иконоборчества и актуальная политика в “*Apologeticus atque Antirrhetici*” патриарха Никифора Константинопольского // ВВ 68 (2009). С. 59–74.
8. К вопросу о “радикальном богословии” Константина V (филологические заметки) // Индоевропейское языкознание и классическая филология XIII. Материалы чтений, посвященных памяти И. М. Тронского. СПб., 2009. С. 402–409.
9. «Простая вера» патриарха Никифора Константинопольского // Материалы XVI Международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов». Секция «Филология». М., 2009. С. 274–276.